

Новая газ. - 2002 - 3 март - с. 20-21.

Парижское утро. Девяносто первый год. Мой замечательный друг Микаел Кочарян (он вошел во французскую энциклопедию) вытянул из охапки газет одну и небрежно сказал: «Ищи в заголовках Армению». Я стал лихорадочно просматривать названия материалов в пределах своего аспирантского минимума.

— Да будут еще нас в заголовки выносить!

— Ты пощи как следует, — лукаво улыбнулся он.

Снова напряг мозги и зрение, будучи уверенным, что если и упомянута где-то родина, то только в сносах или примечаниях к историческим текстам. Вот что-то про Алжир, кажется, про курдов, об американцах... Запятаную в уголок информацию вообще не понял... Ага, это о пожаре в новом парижском районе... И тут в глаза бросилось слово, вроде родное, но как бы ставшее чужим в окружении французских. Майрик! По моему лицу Микаел понял, что поиск привел в родную гавань.

— Анри Верной снимает фильм «Майрик» по собственной книге.

А теперь переведу название фильма и — не удивляйтесь! — имя знаменитого французского режиссера: «Майрик» в переводе с армянского «мать», точнее и эмоциональнее — «мама», а Анри Верной — псевдоним Ашота Малакяна.

На следующий день мы поехали в Эпине, что неподалеку от французской столицы. Микаел неплохо знал режиссера, благо тот жил по соседству с его дочерью Ани, были у него и другие знакомые в съемочной группе, так что поездка туда обещала многое и, главное, встречу со звездами, занятыми в картине об армянской судьбе на чужбине. Семья кинорежиссера спаслась от геноцида во Франции, и эта дорога страданий стала сюжетным посохом двухсерийного фильма, потрясшего цивилизованный мир. Там, в ста километрах от Парижа, на пространстве искусства встретились мать и сын, два существа, пережившие ужасы жизни, однако сохранившие нежность и благородство.

Обстановка на съемках до того напоминала родную сторону, что французская речь актеров казалась закадровой. Будто Армению дублировали на звонкий французский язык.

Беседовал я с Анри Верноме, конечно же, на родном. Он сам его выбрал, предварительно извинившись за... несовершенство. В разговоре глаза мастера становились беспомощными, когда не могли подыскать словесный эквивалент нюансам собственных переживаний и раздумий. Выскажу, верно, спорную мысль, но кажется мне, что можно думать на одном языке, а страдать на другом.

— Из Турции мы попали в Грецию и, прожив там два года, переехали в Марсель. Я был лишен общения со сверстниками, рядом не было армян. Ну а для французов я был пустым местом. Никем. Помню себя играющим в мяч один на один со стеной во дворе. Ощущение невероятной тяжести от непосильной ноши под названием «одиночество» не покидало меня.

Паузы между съемками заполнены исповедью. Но всякий раз Анри Верной возвращается к той точке, на которой прервалась беседа. Разговор о нравственных поисках человека. Стало быть, о самой картине. Вот сняли кадр, он присел на стул, и размышления его воспринимаешь как иллюстрацию к изобразительному ряду.

— Каковы взаимоотношения Ашота Малакяна с Анри Верноме?

— Э-э, дружище, Ашот с Анри сблизилась не сразу. Позже Верной вытеснил Малакяна и теперь независим. Независим — да, но можно ли забыть ту культуру, которую впитал с молоком матери? Я читаю, пишу по-армянски, если удастся 2—3 дня кряду говорить на родном, то мой армянский становится ясным и гладким.

Французы знают о моем происхождении, ну а тот, кто

не догадывался, узнает после этого фильма.

Монолог живой, эмоциональный. Мысль не топорщится складками, она зрела, полуночной зрелостью.

— Отказаться от корней значит отказаться от самого себя. Чуждо. С пяти лет держал свечи в армянских церквях. А церковь не только вера, она и культура. Пел литургию, великого нашего Комитаса. И если я — сын церкви, то, следовательно, и сын армянской культуры. Между прочим, пасхальную сцену для этой ленты группа снимала в Эчмиадзине.

— Все-таки, мастер, творческая судьба к вам милостива, сотрудничали с Бельмондо, Фернанделем, Аленом Делонем, Омаром Шарифом, Клаудией Кардинале... Скажите, не мелькало ли желание пригласить для съемок популярных армянских артистов? Да и вообще, по совести, чем вы обязаны Франции и чем она вам обязана?

— Это разные вещи — Армения и Франция. Сложно объяснить, постараюсь.

Париж, естественно, культурный центр, может, даже культурный «пуп Земли». Обязан Францию второй культурой, которую обожаю. Однако — без умаления моей национальной культуры. Вообразите: прекрасно живу в обеих культурах! Они взаимодействуют без особых трений и тем самым взаимно дополняют.

Другой вопрос — приглашены ли на съемки актеры из Армении. Ну мы всегда так, непременно, чтобы свои были. Никогда специально не искал армян для ролей. Если попадались при отборе — радовался. Тем не менее с десятком соотечественников заняты в картине. Брал оператора, оказался хорошим профессионалом да еще фамилия Ованесян. Славно!

Он весело засмеялся, и мне почудилось, что Ашот Малакян лукаво подмигнул Анри Верноме.

Режиссер дал указание оператору, Клаудии медленным шагом поднималась по дощатым ступенькам. Все собралось, сосредоточилось, и Верной заспешил к актерам. Он снял сорок картин. Первый короткометражный фильм «Лестница к солнцу», снятый после войны, оказался удачным. В нем снимался Фернандель, которому Верной многим обязан. За успехом последовали новые. До сих пор у французов на слуху популярные ленты выдающегося режиссера — «Змей», «Сто тысяч долларов за солнце», «Труп моего врага», «Незначительные люди», «Обезьяна зимой», «Страх над городом». Почерку режиссера присущи тончай-

ший психологический рисунок и драматизм. Отсюда — особая философия фильмов.

Как появилась идея картины «Майрик»?

Несколько раз по случаю Верной выступал по телевидению и в узком кругу с рассказами о матери, личными воспоминаниями. Они вызвали восторг у слушателей. И однажды Анри Труайя, с которым кинорежиссер накоротке, посоветовал ему изложить это на бумаге: «Такая книга обратит на себя больше внимания, нежели бомбы террористов».

Рассказы о матери сложились в сборник «Майрик». Автор предположил ему подзаголовок «Рассказ», но это, скорее,

па. — Он обращен к молодому поколению соотечественников, познающих себя в громадном, плохо защищенном мире. Но я надеюсь, что картина станет другом и для французов, и для людей иного происхождения и вероисповедания. Другом для тех, кто любит, кому снятся мама и детство и чьи души распахнуты для сострадания к ближнему. Вообще к живому существу.

— Я обещал отцу рассказать о маме, — продолжает Анри Верной. — Вы понимаете меня? Вы знаете, что такое долг души? — Глаза становятся беспомощными. Видать, ищет равноценное армянское слово, чтобы

мамы я пригласил Клаудию, потому что она сохранила сладость матери и женщины. А героя-мальчика мы выбрали из почти 600 детей. Ни на что прежнее в моей работе эта картина не похожа! Армянскую музыку к фильму аранжировал композитор Жан-Клод Пти, автор музыки фильма «Сирано де Бержерак». Роль отца исполняет Омар Шариф, к слову, второй раз за свою артистическую карьеру сыгравший армянина: в первый раз он исполнил в итальянской ленте роль древнеармянского царя. Замечательная Натали Руссель предстанет в роли тетушки Гаяне, а другую тетушку играет обаятельная

Пауза просто великолепна, она дает возможность короткого диалога с Клаудией Кардинале.

— Как вы постигали образ армянской матери? — спросил я ее.

— Мать есть мать. В роли я пережила большую и тяжелую судьбу армянской майри — от двадцатилетнего возраста до почтенных седьмидесятилетней старушки. Целая жизнь измученной невзгодами женщины. Помогло и то, что много была слышана об Армении, ее народе. Надеюсь, когда-нибудь с этим фильмом приду к Арапату.

Она мило улыбается и проводит рукой по сединам:

ТЕМ, КТО НЕ КРИЧАЛ: «МАЙРИК!»

Каждая душа проходит испытание

жанровое обозначение. Написан он в 1985 году, переведен на десять языков и вышел общим тиражом 200 тысяч экземпляров. Армянский перевод книги издан в 1988-м в США, мне ее подарили в Нью-Йорке.

На обложке книги, ставшей бестселлером, портрет матери с маленьким Ашотом, еще не Анри, на коленях. Эта фотография с нансеновского паспорта, который вручался армянским беженцам начала прошлого столетия. С краю приписана дата: «1924, Афины». Очень грустный снимок.

— Фильм о моей семье, нашем народе. Это — долг перед матерью. — Мастер снова оседлал стул, но начал не с точки, а с нового абза-

высказать какую-то значимую мысль...

Как не понять! Достаточно приладить небольшой полет воображению, чтобы увидеть черноглазого мальчугана, тонким голоском выводящего «Патараг». Мелодия поднимается под своды храма и там рассеивается, возвращаясь к тебе тихим и покойным, как бы божественным эхом. То душа воспряла и вернулась к человеку, но уже просветленной, но уже очищенной, но уже стершей с себя суету.

— Вы, наверное, понимаете меня, — произносит Анри Верной, и у меня впечатление, что обращается он к своему первому «я» — Ашоту Малакяну. — На роль

Изабел Садоян. Я пригласил гримеров из Голливуда, высококлассных французских специалистов. Это фильм моей жизни, и его следует уложить в два часа сорок минут. Монтаж для меня — что ампутация живого органа. Как рассказать о судьбе мамы длиною в 80 лет за неполные три часа? Каждый кадр — моя частица, пядь той народной стены, на которой отпечаталась трепещущая тень родной матери.

Верной подходит к оператору, о чем-то переговаривается с ним, потом обращается к актеру и жестами объясняет очередной эпизод.

— Армянский зритель будет в шоке. Клаудия Кардинале — да такая старушка! О, я хотела бы свидетаться с вашей древней землей... Привет всем!

Вернемся к беседе, благо Верной уже занял режиссерское место. Он продолжает мысль, на которой остановился.

— Я погружен во французскую жизнь, однако всегда ощущаю себя частью моей первой родины. Свой я человек и в местной армянской общине. Иные мои соотечественники удручают, — вздыхает режиссер. — Мало читают, мало духовности. Как же так? На все четыре стороны — Париж! Остановиться в развитии, как сто лет назад? Ну! Они же права не имеют!

Открою вам тайну, впрочем, свою тайну: ненавижу тех, кто без устали повторяет: «Мы — маленький народ...» От подобного рефрена даже большой народ станет малым. Скулеж, мало духовности. Как же так? На все четыре стороны — Париж! Остановиться в развитии, как сто лет назад? Ну! Они же права не имеют!

Я стал невольным свидетелем сцены между Анри Верноме и Ашотом Малакяном: первый строго отчитывал второго. Этот гнев проистекал от великой любви к соплеменникам.

Один раз, когда я обратился к рядом стоящему другу «Микаел-джан», режиссер как-то встрепенулся:

— Джан! Какое прекрасное слово! Так только на Востоке люди обращаются друг к другу! Разве я могу сказать Бергману «джан»? Нет, увы. Или «Миттеранджан», «Тэйлорджан», «Бельмон-

Анри Верной с Клаудией Кардинале и Аленом Делонем

Верная Анри